

ФРИДРИХ ГЕРШТЕККЕР

МИССИСИПСКИЕ
ПИРАТЫ

Фридрих Герштеккер
Миссисипские пираты

«Public Domain»

1848

Герштейкер Ф.

Миссисипские пираты / Ф. Герштейкер — «Public Domain», 1848

«Весной 18... года на склоне лесного холма неподалеку от реки Уабаша, катившей свои прозрачные воды в реку Огайо, отдыхали два человека. Младший выглядел лет на двадцать пять и, судя по одежде, походил более на моряка, нежели на охотника. На его светлых, курчавых волосах довольно лихо сидела низкая шляпа с широкой лентой. Под синей матросской курткой рельефно обрисовывались плечи, которыми мог бы гордиться сам Геркулес; панталоны из белого холста поддерживал пояс, за которым торчал нож в широких кожаных ножнах. Красная фланелевая рубашка и черный шелковый галстук дополняли этот костюм. Только шитые высокие сапоги — так называемые мокасины — указывали на то, что молодой человек был более знаком с лесной жизнью, нежели с жизнью моряка...»

© Герштейкер Ф., 1848

© Public Domain, 1848

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	18
Глава V	23
Глава VI	26
Глава VII	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Фридрих Герштекер

Миссисипские пираты

Die Flußpiraten des Mississippi.

* * *

Глава I

Могила в лесу

Весной 18... года на склоне лесного холма неподалеку от реки Уабаша, катившей свои прозрачные воды в реку Огайо, отдыхали два человека. Младший выглядел лет на двадцать пять и, судя по одежде, походил более на моряка, нежели на охотника. На его светлых, курчавых волосах довольно лихо сидела низкая шляпа с широкой лентой. Под синей матросской курткой рельефно обрисовывались плечи, которыми мог бы гордиться сам Геркулес; панталоны из белого холста поддерживал пояс, за которым торчал нож в широких кожаных ножнах. Красная фланелевая рубашка и черный шелковый галстук дополняли этот костюм. Только шитые высокие сапоги – так называемые мокасины – указывали на то, что молодой человек был более знаком с лесной жизнью, нежели с жизнью моряка.

Рядом с ним лежал убитый медвежонок, на которого со злобой, тяжело переводя дыхание и зализывая раны, поглядывала превосходная бурая собака. Раны явно свидетельствовали о том, что победа над зверем досталась ей не даром.

Второму охотнику было, по-видимому, лет шестьдесят. Он был ниже ростом и не так крепко сложен, как его товарищ, но в нем не было еще ничего стариковского. Глаза светились юношеским задором, щеки горели здоровым румянцем. На нем была охотничья бумажная блуза, но вместо короткого матросского ножа на боку висел длинный и широкий тесак.

– Том, – сказал он товарищу, – слишком запаздывать здесь не годится. Солнце скоро зайдет, а нам еще далеко до реки.

– Всего три четверти мили, никак не более, – ответил молодой человек. – Но, Эджворт, как ни старались бы нанятые нами люди, им не донести нашей лодки сюда к вечеру. Они должны будут остановиться, когда смеркнется, чтобы не наткнуться на какой-нибудь подводный камень или затонувший пень. Плыть по Уабашу ночью небезопасно.

– Вы, по-видимому, хорошо знакомы со здешней местностью?

– Еще бы! Я охотился здесь в продолжение двух лет и знаю каждый ручеек, каждое дерево. Это было еще до того, как я познакомился с Диксоном и отправился на его шхуне в Бразилию. Бедняга! Не думал он тогда, что его ждет такой конец.

– Вы не рассказывали мне подробно об этом грустном событии, Том.

– Расскажу хоть сегодня, если хотите, но прежде разведем костер и перекусим, чтобы потом хорошенько выспаться до рассвета и тогда уже пойти на берег ждать нашу барку.

– Вы уверены, что они не пройдут мимо нас?

– Будьте спокойны! Билл знает, где надо пристать.

– Если так, примемся за дело, – сказал Эджворт, начиная сооружать костер из валежника, находившегося близ соседнего ручейка. Скоро пламя охватило сухие сучья, и старик, нарезав несколько ломтей из медвежьей туши, принялся поджаривать их на углях.

Оба спутника поджидали плоскодонное судно, перевозившее товар в Новый Орлеан из поместья в Индиане, принадлежавшего старому Эджворту. В этот раз на плоскодонке был груз виски, лука, яблок, окороков, копченой дичи сушеных персиков и кукурузы. Сверх того, Эджворт имел с собою изрядную сумму денег для закупки товаров, которых не найти в краях, где он проживал.

Том был сиротой и приходился дальним родственником Эджворту. Раньше он тоже намеревался обзавестись фермой на берегах Уабаша, но увлекся рассказами Диксона, старого приятеля его покойного отца, и отправился с ним в Новый Орлеан. Сбыв там выгодно свои товары, Диксон и Том посетили Гавану, а затем Бразилию, где Диксон был вероломно убит. Том возвратился домой, но не захотел жить в своей усадьбе и стал просить Эджворта позволить ему

плавать с ним по Миссисипи. Старый фермер был недоволен просьбой родственника, ему казалось, что молодому человеку следовало бросить бродячий образ жизни, заняться хозяйством и стать, наконец, степенным, достойным уважения фермером. Но Том настоял на своем и теперь, отдыхая со своим спутником в лесу, не переставал восхищаться прелестями вольной жизни.

– Чертовски здорово здесь, – весело говорил он, – когда погода хороша и попадется на зуб такое вкусное кушанье, как медвежье мясо.

– Вы обещали рассказать мне о Диксоне, Том, – заметил старик.

– Если вы настаиваете, пожалуйста, но это не очень веселая история. Мы вошли в русло Сан-Хосе, надеясь сбыть пшеницу, лук, виски и жечь местным плантаторам, но пришлось заночевать в пустынном месте, прежде чем мы успели добраться до какого-то поселка. Привязав наше суденышко к стволу пальмы, мы улеглись спать на берегу, не приняв никаких мер предосторожности. Я почти мгновенно заснул, однако Диксон вскоре разбудил меня, заслышав подозрительный шорох, и только тут я сообразил, что на нас могли напасть врасплох краснокожие. Диксон бросился к лодке с криком: «Вставайте! Грабят!» – но споткнулся и упал, едва успев вскочить на палубу судна. Экипаж наш состоял всего из трех матросов и одного юнга; пока они проснулись и поняли в чем дело, я, схватив попавшуюся под руку острогу, стал наносить ей удары грабителям. Они попрыгали или попадали в воду, а юнга, по счастью, догадался перерубить канат, прикреплявший лодку к пальме, и нас тотчас отнесло на середину реки. Двое из наших матросов, Мелерс и Гевитс, говорили, что отбили пятерых индейцев, ухватившихся за борт лодки. Так ли это было, не знаю, но наш бедный капитан лежал мертвый на палубе, грудь ему пробило насквозь копьем, а голова была раздроблена палицей.

– Что же вы сделали с грузом?

– Я продал его, накупил другого товара, имеющего у нас хороший сбыт, и потом, месяца через четыре, прибыл в Чарльстон, где жила вдова Диксона. Она горевала о муже, но, по правде сказать, деньги, которые я ей привез, помогли ей быстро утешиться. Всего через два месяца она была уже замужем за соседним плантатором. Так всегда происходит в жизни.

– По крайней мере, она наверняка знала, что ее мужа нет более в живых, – задумчиво проговорил старик. – А каково оставаться в неизвестности об участи своих близких – ждать ежедневно их возвращения и приходить, наконец, к мысли, что любимого существа уже нет, что даже прах его развеян, может быть, ветром пустыни!

– О, здесь такая неизвестность насчет судьбы близких нам людей дело самое обыкновенное, – сказал Том. – Сколько людей исчезает бесследно каждый день.

– Случается, однако, что и возвращаются неожиданно, – возразил Эджворт. – Как же здесь неловко лежать, должно быть, я постелил одеяло на кочках.

Он привстал, чтобы перенести свою подстилку на другое место, а Том, решивший ему помочь, внезапно воскликнул:

– Немудрено, что вам было неудобно лежать! Это не кочки, а кости оленя!

Эджворт поднес одну из костей ближе к огню, чтобы рассмотреть ее.

– Том, – проговорил он, – это не кости оленя!

– Ну, может быть, волка или медведя, – проворчал молодой человек, уже успевший задремать.

– Мне кажется, что эта человеческая кость... – продолжал Эджворт. – И именно берцовая кость.

– Так не давайте дотрагиваться до нее собаке, – проговорил Том с неожиданным оживлением, поднимаясь и оглядываясь кругом.

– Что за дьявол? – спросил старик, озадаченный его очевидным волнением. – Кость действительно человеческая.

– Если так, – сказал Том, – то я узнаю это место. – Когда мы нашли труп, то забросали его хворостом. Вот почему здесь такая куча сухих ветвей. Да, это именно то место. Вот и дуб, на котором я вырезал крест.

– Но что это был за человек? Как он умер? – спросил Эджворт.

– Я не могу точно ответить на эти вопросы, знаю только, что убил несчастного один лодочник, с целью поживиться несколькими долларами. Этот Билли...

– Кто, лодочник?

– Нет, тот, убитый. Он служил на нашей шхуне; нанялся к нам всего дня за четыре до отплытия, так что я ничего еще не знал о нем. Кажется, он был из Огайо. Ну, этот Билли имел неосторожность показать тому негодяю свои деньги, и, когда мы сошли на берег и уселись у огня, лодочник стал уговаривать его сыграть в карты, но Билл отказался, чем обозлил мошенника. Тот не выдал, однако, своей досады и пригласил Билла заночевать с ним на шхуне. Мы остались на берегу, но утром, возвратившись на судно, не нашли обоих. Прождав бесполезно до вечера, мы заметили стаю коршунов, круживших над одним местом. «Чуют труп», – сказал один из наших товарищей, старый охотник. – Нет сомнения, что этот злодей убил Колченогого.

– Колченогого! – повторил Эджворт с ужасом. – Почему вы прозвали так Билли?

– У него правая нога была чуть короче левой, и он прихрамывал на ходу. Мы пошли искать труп, и я никогда не забуду того зрелища, которое представилось нам. Мы увидели несчастного и коршунов. Но что с вами, Эджворт? Вы бледнеете, вы...

– Скажите, у этого Билли, или Колченогого, как вы его называете, был шрам на лбу?

– Да, широкий багровый рубец. Вы знали этого человека?

Вместо ответа старик заломил руки над головой и опрокинулся навзничь с громким стоном.

– Что с вами, Эджворт? – воскликнул испуганный Том. – Говорите, ради Бога! Вы знали бедного малого?

– Это мой сын! – прошептал старик, закрывая лицо руками.

– Бедный отец! Да помилует вас Господь!

Наступило молчание. Старик первым прервал его вопросом:

– И вы не зарыли покойного?

– Мы сделали что могли, – ответил Том, подавляя волнение. – С нами не было других орудий, кроме индейских кистеней, а земля была сухая и твердая. Но к чему эти подробности, которые только расстраивают вас?

– Нет, нет, говорите! – попросил Эджворт умоляющим голосом. – Я хочу знать все.

– Мы навалили на него такую гору валежника, что ее не могли разгрести хищные звери, – продолжал Том, – а затем я вырезал ножом небольшой крест на стволе этого вот дерева.

Старик посидел еще некоторое время молча, потом печально посмотрел кругом и произнес срывающимся голосом:

– Так мы отдыхали на твоей могиле, милый мой Уильям! Какой конец, Боже мой! Но я не хочу, чтобы останки твои остались без погребения. Вы поможете мне похоронить их, Том?

– Охотно, но у нас нет ничего, кроме ножей.

– В лодке найдутся ломы и заступы, мои люди помогут. Не оставляю же я сына без погребения! Это все, что я могу для него сделать. Боже мой! Я так надеялся обнять его еще раз, а пришлось вот только увидеть его кости в этих дебрях! Спите, Том, вам необходим отдых после тяжелого дня. Я постараюсь тоже заснуть.

Он прилег, чтобы заставить и молодого человека сделать то же, но не сомкнул глаз под наплывом скорбных мыслей. Едва потянуло утренним ветерком, он встал, подложил хвороста в костер и начал собирать при его свете в одну кучу все кости. Проснувшийся Том молча помогал ему, но, приблизившись к кусту, у которого лежала собака, остановился с удивлением.

– Что с тобою, Волчок? – спросил он. – Что тебе вздумалось рычать на меня? Не узнаешь, что ли? Не стыдно скалить зубы на меня?

Но собака продолжала ворчать, помахивая в то же время хвостом и как бы желая этим сказать: «Я знаю, что ты друг, но все же не подпущу тебя к этому месту».

– Посмотрите, что это с псом? – сказал Том, обращаясь к Эджварту.

Старик подошел к собаке и увидел у нее между лап череп своего сына. Верное животное понимало, что охраняет драгоценные останки.

– Неужели ты понял, что это принадлежит твоему хозяину, Волчок? Помнишь ли ты его, добрый мой пес? – сказал старик дрогнувшим голосом.

Волчок припал к земле, пристально глядя на Эджворта, и испустил тихий, жалобный вой. Убитый горем отец не выдержал более, он опустился на траву, обвил шею собаки руками и зарыдал. Волчок лизал ему лицо, стараясь положить лапу на его плечо.

– Удивительно! – пробормотал Том, тронутый поведением собаки.

– Узнал своего хозяина... вспомнил... – говорил Эджворт, лаская животное. – Мне это отродно, добрый мой Волчок.

Он с трудом поднялся на ноги, продолжая гладить собаку. В эту минуту со стороны реки раздался выстрел.

– Это наши! – сказал Эджворт. – Окажите мне услугу, Том, приведите их сюда.

Молодой человек пошел к реке. Старик, оставшись один, опустился на колени перед дубом, столько лет осенявшим останки его сына. Он молился усердно перед вырезанным на дереве крестом, но лишь только слышал шаги приближавшихся людей, поднялся на ноги и твердой поступью пошел им навстречу, сохраняя спокойный вид.

Том рассказал матросам о том, что случилось, и они молча принялись рыть яму для погребения костей. Завалив останки землей, насыпали над могилой небольшой холмик и также молча воротились к лодке, унося с собой медведя, убитого Томом и Эджвортом.

– Эй! Никак свежее жаркое? – крикнул оставшийся на вахте матрос, человек самой отталкивающей внешности, рябой, с жесткими всклокоченными черными волосами. – Вот спасибо капитану! Самое лучшее, что он сделал до сих пор. Но что ж, плывем дальше? Медлить нечего, вода спадает.

– Еще дело есть, – ответил один матрос.

– Что еще за дело?

– Надо отнести туда кирпичей, чтобы сложить хоть какой-нибудь памятник.

– Вот дураки! Хотят разобрать печку! На чем же мы будем пищу готовить?

– Найдем кирпичи в Винсене, – сказал Том. – Помоги нам.

– Вот еще! Я нанялся быть лоцманом, а не кирпичи таскать! – ответил тот грубо и растянулся на палубе. – Придумали тоже! Хоронить кости, которые сгнили бы и без вас!

Никто из матросов не ответил на непристойную выходку. Каждый из них взвалил себе на плечи кирпичей сколько мог, и через полчаса над могилой убитого охотника возвышался маленький памятник. Потом люди счистили мох, начавший покрывать крест, вырезанный на стволе дерева, и пошли обратно к реке со своим хозяином, который пожал им всем руки, когда они кончили работу, и шел к берегу впереди всех твердой походкой, закинув карабин за спину.

Громадные весла грузного судна пришли в движение, направляя его на середину реки. Когда оно попало «в струю» и плавно тронулось вниз по течению, матросы позволили себе отдохнуть, улеглись на палубе, нежась под лучами солнца, золотившего верхушки деревьев окрест. Эджворт, сидя на корме вместе с Волчком, не сводил грустного взгляда с величественной чащи, закрывавшей могилу его сына, но скоро, на одной из извилин реки, крутой утес заслонил горизонт, и характер пейзажа совершенно изменился: река катила свои стремительные воды уже между каменистыми, высокими берегами.

Глава II

Уличные сцены

Хелена, крупный город штата Арканзас, расположенный на правом берегу Миссисипи, походил на театр перед большой премьерой. По случаю выборов здесь наблюдался большой наплыв народа, встречались люди из различных провинций, некоторые в замшевых блузах с разноцветной бахромой, как пионеры прерий¹, другие в менее оригинальных костюмах, но все были возбуждены, что подтверждалось порывистыми жестами и общим неумолчным галдежом.

Основная толпа стояла перед отелем «Юнион»², лучшим в городе, и хозяин его, мужчина очень высокий и сухопарый, с всклокоченными волосами, выдающимися скулами, длинным носом и добродушными голубыми глазами, с видимым удовольствием прислушивался к тому, что говорилось перед его крыльцом. В доме у него кипела работа, заботливая хозяйка сутилась, исполняя требования многочисленных посетителей и готовя комнаты для ночлега тем из них, которые жили слишком далеко от города, чтобы успеть воротиться к себе домой в тот же вечер. Ей помогали слуга негр и несколько женщин. Между тем уличные ораторы, под влиянием частой выпивки, приходили во все большее и большее возбуждение, со всех сторон сыпались ругательства и угрозы и, наконец, колебания толпы из стороны в сторону доказали трактирщику, что его надежды сбываются и разговоры вот-вот перейдут в драку.

Прислонившись к косяку двери и засунув руки в карманы, он поглядывал с наслаждением на эту сцену, которую предвидел и которой сердечно желал.

Первый удар был нанесен одним ирландцем, низким, но коренастым малым с рыжими волосами и бородой еще более яркого оттенка. На нем был какой-то смешной нанковый балахон с расстегнутым воротником и засученными рукавами. Но если наружность Патрика О'Тулла была поистине карикатурна, то сам он, по-видимому, совсем не любил шутить. Ему стоило проглотить несколько капель виски, чтобы почувствовать влечение к тому, что он называл «разумным диспутом», и хотя он был вовсе не задиристого нрава, но, тем не менее, никогда не уходил с места, если предвиделась хотя малейшая возможность пустить в ход кулаки.

В этот раз ему, однако, не поздоровилось: едва он сбил с ног своего противника, большинство из не принимавших участия в схватке, набросились на него, видимо, желая отомстить за упавшего.

– Прочь, негодяи, волчьи дети! – кричал Патрик, раздавая во все стороны полновесные удары. – Это что же? Драться, так честным манером, как следует порядочным людям. Один на один, или хотя бы двое против одного, или даже трое, если на то пошло! Но не накидывайтесь же дюжиной на одного!

– Ну ладно! – закричали в толпе, как бы соглашаясь с ним, но человек, которого Патрик сбил с ног, поднялся с земли, прикрывая левой рукой вспухший глаз, правой вытащил из кармана нож и с бешеным криком ринулся на ирландца. Тот успел принять оборонительную стойку и вовремя схватил противника за руку, встряхнув при этом так, что тот снова рухнул на землю. Патрик обратился тогда ко всем присутствующим, надеясь, что они примут его сторону при виде такого предательского нападения, но толпа была настроена против него. В ответ раздались крики:

– Смерть ирландской собаке! Он осмелился тронуть гражданина Северо-Американских Штатов! Зачем его принесло сюда? Смерть ему, смерть! Бей!

¹ То же, что и первопроходцы, первооткрыватели, первенцы, первопоселенцы.

² «Союз».

– В воду его! – крикнул великан с бледным лицом, пересеченным большим шрамом, который тянулся наискось ото рта далеко за левое ухо, придавая его физиономии отвратительное выражение.

– В реку его, в реку! Эти подлецы немцы и ирландцы только хлеб отбивают у честных трудяг! Пусть послужит ужином ракам Миссисипи.

– В реку! В реку! – подтвердил другой. – Да свяжите ему руки за спиной! Пусть так и плывет обратно к себе в Ирландию!

Лица более миролюбивые, не желавшие гибели человека, постарались заступиться за несчастного, но были оттиснуты разъяренной толпой, и положение Патрика казалось безнадежным. Он знал, что его ненавидят, что ему нечего ждать пощады. И вдобавок, река была у них под боком. Однако один человек бросился вперед и ухватил ирландца за руку. Был это не кто иной, как почтенный трактирщик Ионафан Сمارт.

– Будет! – произнес он повелительно, с достоинством и твердостью настоящего судьи.

Но толпа не была расположена подчиняться, и раздались грозные голоса:

– Сمارт, не суйся в это дело! Прочь! Отпусти этого человека!

Трактирщик стоял, однако, на своем, крича в свою очередь, что не позволит вырвать ни одного волоса с головы бедняги.

– В таком случае, сам напрашиваешься! – выкрикнул один из державших Патрика, выхватывая из кармана пистолет и прицеливаясь в Смарта.

По счастью для великодушного янки, оружие дало осечку, он успел выхватить из-за пояса длинный нож и кинулся на пытавшегося выстрелить. Тот успел уклониться от удара, который пробил бы ему череп, и лезвие только скользнуло по руке, разорвав рукав сверху донизу. Но намерения Смарта были столь очевидны и взгляд так выразителен, что державшие Патрика отступили. Лишь только ирландец почувствовал себя на свободе, как тотчас же поднялся на ноги, закудахтал, как сердитый петух, и был готов снова кинуться в драку, но Смарт, не давая ему опомниться, схватил его за шиворот, притащил к своему крыльцу, впихнул в дом и запер дверь прежде, нежели ошеломленная толпа успела прийти в себя от неожиданного поворота дела.

Человек со шрамом первым нарушил молчание.

– Неужели мы спустим такое оскорбление? – крикнул он. – Что это за долговязый янки, который смеет диктовать свои законы честным гражданам Арканзаса? Подождем его! Пусть изжарится со своей женой и всей прислугой!

– Отлично! Поджечь трактир! – загалдели в толпе. – И угли возьмем с его же собственной кухни!

Толпа всегда предрасположена к преступлению. Вся масса народа, собравшаяся у гостиницы, хлынула к дому, как лавина, и предалась бы дальнейшим неистовствам, если бы перед ней не появилось новое лицо. Человек этот был настроен, по-видимому, самым миролюбивым образом и, подняв руки вверх, попросил позволения сказать несколько слов.

Он был высок и строен, высокий лоб, глаза и волосы каштанового цвета, рот самой изящной формы. По тонкому сукну одежды и снежной белизне рубашки можно было тотчас догадаться о принадлежности его к высшему обществу. Действительно, то был врач и юрист, прибывший с год назад из Северных Штатов. Глубокие познания во врачебной науке и доброжелательность при общении быстро обеспечили ему обширную практику и, кроме того, он был избран на должность городского и областного судьи.

– Джентльмены, – сказал он, обращаясь к толпе, – подумайте хорошенько о том, что вы хотите делать. Мы все подчинены законоположениям Союза, и суды наши также готовы защищать нас от насилия, как и карать за насилие над слабейшими. Мистер Смарт не оскорблял вас, а, напротив, удержал от преступления, которое навлекло бы на вас очень печальные послед-

ствия. Именно он оказал вам услугу, и я полагаю, что вы могли бы выразить ему признательность иным способом. Кроме того, мистер Смарт вообще человек достойный.

– Достойный! И мы обязаны ему признательностью! – воскликнул тот, который хотел выстрелить в Смарт. – Вот так сказано! Он меня чуть пополам не разрезал, как яблоко. Сжечь его харчевню, и дело с концом.

– Джентльмены, – сказал судья, – если мистер Смарт вас обидел, то я уверен, он принесет вам извинения. Пойдемте к нему, потолкуем по-приятельски, и он согласится, я знаю, если мы наложим на него контрибуцию в виде виски. Дело уладится к обоюдному удовольствию. Как вы полагаете? Идет?

– Да, – согласился человек со шрамом, – пусть он нас угостит, но попадись он мне еще раз, я его тоже угощу девятью дюймами стали. Ребята, в трактир!

Толпа с диким воем кинулась к гостинице, и миролюбивое посредничество судьи могло бы иметь роковой исход, но Смарт знал, с кем имел дело. Если бы он впустил этих людей в том возбужденном состоянии, в котором они находились, то был бы вынужден подчиниться им полностью и исполнять все их безумные требования. Поэтому, видя, что толпа ринулась к его дому, он подошел к окну с карабином в руках и объявил клятвенно, что уложит первого, кто переступит порог.

Он был известен как меткий стрелок, и угроза не могла быть принята в шутку. Судья снова выступил посредником, он заявил Смарту, что эти люди уже отказались от своих враждебных намерений и, поэтому, он просит его отложить в сторону ружье, чтобы не выказывать враждебности и со своей стороны.

– Поставьте им четверть или полбочонка виски, – сказал судья, – и они выпьют за ваше здоровье. Не лучше ли жить в добром согласии с соседями, нежели находиться вечно на военном положении?

– Вы очень добры, мистер Дейтон, предотвращая кровопролитие. Мало кто из ваших собратьев принял бы на себя такой труд. Желая доказать этим добрым людям, что не сержусь и хочу жить с ними в мире, я пожертвую им целый бочонок, только прикажу вынести его на улицу. У меня женщины в доме, и я думаю, что самым этим джентльменам будет удобнее пить виски на чистом воздухе, нежели стесняться присутствием дам.

– Прах побери! Виски! – проговорил человек со шрамом. – И вы дадите нам, в самом деле, целый бочонок? И согласитесь признать, что сожалеете о случившемся?

– С удовольствием, – ответил Смарт, хотя на губах его играла презрительная усмешка. – И я даже предоставлю вам бочонок самого лучшего виски из моего погреба. Все ли джентльмены довольны?

– Довольны! Довольны! – закричала толпа. – И вправду, подавайте виски сюда! Где женщины, там пьется не так свободно. Только не мешкайте, Смарт. Пользуйтесь тем, что мы в добром настроении!

Через несколько минут плечистый негр с курчавыми волосами вынес громадный глиняный кувшин с виски и несколько жестяных стаканов. Толпа расположилась для выпивки подальше, на откосе реки, и шумела там до поздней ночи. Смарт, оставшись с Дейтоном, поблагодарил его за оказанную помощь.

– Я только исполнил свой гражданский долг, – возразил судья. – Одно гневное слово порождает часто большие несчастья, а решительный человек, если только умно возьмется за дело, может всегда руководить толпой.

– Не знаю, так ли это, – сказал Смарт, покачивая головой и глядя на речной откос. – Людей, подобных этим, трудно направлять оружием или добрыми речами. Это скоты, которым нечего терять, кроме жизни, они ничем не дорожат и даже ею готовы пожертвовать из-за сущего пустяка. Во всяком случае, я рад, что все так обошлось, не люблю проливать кровь, да еще ради пустяков! Вы зайдете, доктор, ко мне?

– Нет, Смарт, мне некогда, но я попрошу вас к себе. Приходите, мне надо поговорить кое о чем с вами.

– А если эти люди вернутся?

– Не думаю. Они грубы, дерзки, скоры на руку, но я не считаю их способными на умышленное злодейство. Они хотели поджечь ваш дом в минуту раздражения, но теперь злоба их улеглась, и они не захотят вредить вам.

– Тем лучше! Но мой негр все же посторожит здесь без меня, и где бы я ни был в городе, всегда услышу его рожок в случае тревоги. Я приду к вам через полчаса.

Мистер Дейтон ушел, а Смарт воротился в гостиницу, где его ожидал неприятный прием. Миссис Смарт находилась в самом отвратительном расположении духа, вследствие сцены, произошедшей перед гостиницей, а также и потому, что ей пришлось хлопотать без отдыха целый день. Она была не из числа женщин, которые переносят неприятности молча, и чувствовала всегда потребность излить на кого-нибудь свою досаду. Заслышав шаги мужа, она сдвинула на затылок шляпу, защищавшую от огня очага, подбоченилась и встретила супруга такими словами:

– Ну, что путное изволили совершить сегодня, мистер Смарт? Ведь стоит мне только отвернуться, как случается беда! Нет на свете такой глупости, в которую не постарался бы сунуть свой нос мистер Смарт!

– Миссис Смарт, – ответил владелец гостиницы, бывший в таком отличном настроении, что тон супруги не мог нарушить его веселости, – миссис Смарт, я спас сегодня жизнь человеку и полагаю...

– Спас жизнь человеку! И к чему, позвольте узнать? О чужих жизнях заботится! Вы подумали бы лучше о жене. Вам и дела нет до того, как она работает, мучится. Вы бросаетесь бочками виски, как будто оно так и валяется на улице, а мне не приходится трудиться в поте лица для того, чтобы приобретать это самое виски!

– Я полагаю, – закончил свою фразу Смарт, совершенно спокойно и как бы вовсе не слыша гневной тирады жены, – я полагаю, что заплатил за него не слишком дорого.

– А я вам скажу, – вскричала миссис Смарт, выведенная из себя хладнокровием мужа, – я вам скажу, что вы человек бесчувственный! Вы не жалеете собственного сына! Наш Филипп уже подрастает, но вам до этого дела нет, вы ведете дела к разорению, и когда бедный мальчик достигнет совершеннолетия, ему некуда будет голову приклонить! Вы изверг, а не отец!

– Изверг, о котором вы говорите, тоже не знал, куда ему голову приклонить, когда возмужал, – сказал Смарт, улыбаясь и потирая руки. – Но Смарт-отец дал хорошее воспитание Смарту-сыну, и Смарт-сын так воспользовался его воспитанием, что сумел через несколько лет завести собственную, лучшую всей Хелене гостиницу. В настоящее время старый Смарт уже умер, молодой Смарт сам стал старым Смарт, если же, согласно обычному течению жизни, молодой Смарт...

– Ах, довольно всякого вздора о старых и молодых Смартах! Займитесь делом, загляните в конюшню, пришлите ко мне негра, надо, чтобы он нарвал бобов в огороде, принес сахар со склада. О, мистер Смарт! Ваше легкомыслие сведет меня в гроб!

– Мой сын послушает советов старого Смарта, как бывший молодой Смарт слушал, во время оно, своего старика, – продолжал янки с тем же невозмутимым спокойствием. – Поэтому можно надеяться, что Смарт-сын сумеет заработать себе на хлеб не хуже своего отца и столь же честно, как отец.

– Пошлите ко мне Сципиона! – почти прорычала миссис Смарт, вне себя от бешенства и колотя чумичкой по столу. – Слышите, Ионафан? Пошлите сюда негра и уходите, если не желаете моей смерти. Если же не уйдете, я воспользуюсь кухонным правом³!

³ «Кухонное право» – укоренившийся обычай плеснуть кипятком в потолок того, кого хотят выдворить из кухни. Этим

Произнеся эту угрозу, миссис Смарт схватила половник и опустила его в кипяток.

Смарт хорошо знал, что его жена никогда не приведет подобную угрозу в исполнение, она слишком хорошо понимала характер своего мужа, для того чтобы осмелиться перейти от угроз к действиям, однако, ради прекращения спора, он встал, пошел к двери и, уже на пороге, спросил, не прикажет ли она еще чего, прежде чем он уйдет из дома?

Такое молчаливое признание за нею непререкаемого авторитета в хозяйстве тотчас же смягчило ее сердце. Она отошла от кастрюли с кипятком, вытерла передником лицо и проворчала:

– Если у вас вечно какие-то дела, то, разумеется, вам не до хозяйства! Я должна, однако, напомнить насчет лошадей.

– Им дан корм.

– А бочка с сахаром?

– Ее уже доставили в контору.

– Вот еще бобов надо бы.

– Сципион набрал их уже с полчаса тому назад.

– Прекрасно, но те две комнаты, которые нужны только что прибывшему джентльмену?

– Они готовы, мы прибрали их вдвоем со Сципионом. Угодно ли вам приказать еще что-нибудь, миссис Смарт?

Досадуя в душе на то, что не к чему придраться, миссис Смарт принялась ворошить угли на очаге с таким ожесточением, что лицо ее совсем побагровело. Потом она попыталась приподнять тяжелый котел с водой, но не смогла даже сдвинуть его с места. Ионафан подошел к плите, подвесил котел, потом с улыбкой повернулся к сердитой жене, громко чмокнул ее в румяные щеки и вышел, засунув руки в карманы и насвистывая популярную национальную мелодию «Янки Дулл».

Глава III

Будни гостиницы «Союз»

Гостиницы в Соединенных Штатах весьма своеобразны, но походят одна на другую, как станции железных дорог. На прилавке – все равно, мраморный он или окружен простой деревянной решеткой – неизменно красуются маленькие графинчики с мятными или полыньными эссенциями, корзинки с апельсинами и лимонами, различные вина, настойки, ликеры и бутылки шампанского с горлышками, покрытыми свинцом.

Кроме как в частных домах, настоящего комфорта нигде в Америке нет, не ищите его ни на постоялых дворах, ни в нарядных отелях, ни в простой харчевне, ни в меблированных комнатах!

По большей части, в общем зале стулья стоят только возле камина. И забавно, что даже летом, когда в камине нет огня, курильщики все же садятся не иначе как здесь и поплеывают в очаг. Никому не придет в голову остаться на полчаса за столом со стаканом вина в руках, чтобы побеседовать с приятелем или посидеть спокойно в стороне, наблюдая за входящими. Здесь в обычае стоять группами, выпить наскоро стакан вина, пробежать мельком газету и затем поспешить прочь заниматься своими делами или удовольствиями.

Гостиница «Союз» ни в чем не отступала от общего правила. В большом зале, прямо против двери, помещалась стойка с обычными принадлежностями, посередине стоял квадратный стол с лежащими на нем газетами, и все убранство комнаты довершалось дюжиной стульев, стенными часами с гирями и маленьким зеркалом.

Состав посетителей был несколько разнообразнее обыкновенного. Лишь двое из них сидели, и так неподвижно, что их можно было тоже принять за предметы украшения зала; сидели они у камина, спиной к остальной публике, положив ноги на каминную доску.

Основная группа состояла из молодого местного адвоката по фамилии Робиас, фермера, приземистого человека, которого нельзя было не признать за моряка, несмотря на его потертый черный цилиндр и светло-голубую блузу, и почтальона, развозившего письма и посылки между Хеленой и почтовой станцией Стронг на реке Сент-Френсис.

Предметом разговора служило только что случившееся происшествие. Почтальон, маленький, худенький человек, двадцати пяти лет, очень дивился тому, что целая толпа сильных и смелых людей дала провести себя и упустила из рук свою жертву.

– Джентльмены! – восклицал он, повторяя беспрестанно это слово, как бы для того, чтобы убедить всех и в своей принадлежности к джентльменству. – Джентльмены! Вырождается род людской в Арканзасе! Демократический принцип утрачен, и монархические идеи набирают силу! Джентльмены! Я убежден, что в Вашингтоне скоро изберут короля, и королем этим будет генерал Скотт.

– Скотт? Какой вздор! – перебил фермер. – Но, во всяком случае, если его «там» выберут, пусть и держат его у себя. Перейти Миссисипи мы ему не позволим. Наши деды, проливавшие свою кровь за независимость, восстали бы из гробов, чтобы покарать нас за подобный позор! Это все европейские выходцы сеют здесь рабские идеи. Собаками бы их затравить, негодяев!

– Зачем? – возразил адвокат. – Нас защитит наша конституция.

– Конституция? Да она сама не устоит, если мы ее не защитим! От вас, адвокатов, толку немного. Фермер – вот сила, это настоящая опора государства! Он землю возделывает, дает ход промышленности, своим потом удобряет почву Америки и никогда не жалуется на тяжелый труд! Конституция! Что в ней проку, если народ слаб и никуда не годится?

– Верно, – подтвердил почтальон, хотя вовсе не понял основной мысли фермера. – И вот почему меня удивляет, что целая сотня людей послушалась одного человека. Случись все это

при мне, я показал бы им, – он оглянулся, чтобы удостовериться в отсутствии трактирщика, – показал бы как проучить этого янки, вмешивающегося не в свои дела!

– Что до меня, – возразил хладнокровно фермер, – то я, напротив, очень доволен тем, что народ дал себя образумить. Видно, что здесь, в городе, все же меньше негодяев, чем говорят, и встречаются люди, способные навести порядок. Но что еще нового?

– Продали с торгов дом и земли Голькса, – ответил человек в голубой блузе.

– Голькса? Богача Голькса? – с изумлением воскликнул фермер. – Быть не может! Я приезжал сюда на прошлой неделе и ничего не слышал...

– С тех пор много чего произошло! Голькс, как вам известно, отправился с товаром в Новый Орлеан. Барка его затонула, весь экипаж, наверное погиб, потому что молодой Голькс возвратился один.

– Как, разве у старика имеется сын? Голькс не был женат.

– Был, когда-то прежде женат. Молодой Голькс очень желал остаться здесь, но с ним случались приступы лихорадки, и место ему опротивело так, что на третий же день по возвращении он решил все продать. Сегодня и состоялись торги.

– Видно, малый не любит терять времени! – заметил почтарь. – И задешево пошел дом?

– Нет, – сказал Робиас. – Ведь это самое красивое здание во всем городе! Охотников купить нашлось много, в том числе я сам и мистер Дейтон. Но здешний хозяин перебил у всех нас кусок, набавил цену, да еще заплатил наличными немедленно. О, мистер Смарт славно обделывает свои дела!

– Все это странно, – проговорил фермер. – Голькс говорил мне, что у него нет ни детей, ни родственников в Америке, и что он собирается продать здесь все и вернуться в Германию.

– Он любил молодиться и поэтому выдавал себя за холостяка, – заметил блузник. – Вы знаете, может быть, молодую вдовушку, что живет рядом с Дейтонами?

Говоря это, он скривил рот в язвительной усмешке.

– Да, жаль бедную женщину! – сказал молодой торговец, подошедший к группе при последних словах говорившего. – Ведь они были помолвлены, как говорят. Она убита горем, а бедный Голькс, вместо брачного ложа, покоится на дне Миссисипи!

– Однако что-то очень уж много судов погибает на этой реке, – заметил фермер. – Правительство должно бы позаботиться об очистке русла. Сколько тут схоронено человеческих жизней, да и ценнейших грузов.

– Сами хозяева часто виноваты, – живо возразил блузник. – Сидит себе человек на земле, никогда на воде не бывал, но вдруг построит плоскодонную лодку или купит старую, никуда не годную, нагрузит ее и сам у руля станет. Что же мудреного, если невзначай наткнется на что-нибудь? С Миссисипи шутки плохи! Жалеют заплатить сорок или пятьдесят долларов хорошему лоцману, вот в чем вся беда!

– Это не совсем справедливо, – заметил фермер. – Дело в том, что зачастую в лоцманы нанимаются люди, вовсе не знакомые с рекой. Они клянутся, что изучили ее фарватер в тонкости, а в сущности, пускаются на удачу. Пронесет Бог – хорошо, получай большие деньги, не посчастливилось – что ж, плавать мы, разумеется, можем, до берега доберемся, а остальные пусть пропадают!

– Всякое бывает, конечно, – произнес блузник с презрительной усмешкой, – но...

– Вы говорите о лоцманах? – вмешался в разговор маленький, сухощавый, седой человек, со странно бегающими серыми глазками. – Не о том ли именно лоцмане, который побывал у меня в руках и мог бы служить образцом для врача-специалиста, интересующегося переломами? У него было сломано четыре ребра, рука пополам, затылок раздроблен, но человек все же оставался живым! Я старался поддерживать в нем жизнь целый час, но он так и скончался в мучениях.

– Я думаю, что было бы человечнее дать ему скорее умереть, – перебил фермер.

– Этот несчастный пострадал при взрыве котла на пароходе «Генерал Браун», – сказал адвокат. – Около пятнадцати человек погибли при этой катастрофе.

– Были и еще интереснейшие раненые, – перебил опять маленький человечек. – У одного негра голова висела на лоскутке кожи, а у одной женщины...

– Избавьте нас от подробностей, – прервал его фермер, морщась. – Они отобьют весь аппетит.

– Извините, но они имеют неоценимое значение в научном отношении, и, смею вас уверить, что берега Миссисипи просто кладезь для изучения трупов и ран! Так, например, близ Виктории на слиянии двух рек ежедневно находят тела. У одного из них на бедре...

– Да замолчите, черт вас возьми! – с бешенством крикнул человек в блузе. – Я часто видел кровь и сам не какой-нибудь неженка, но терпеть не могу хладнокровных рассуждений о страданиях человеческих! Душу воротит от ваших речей!

– Ладно, ладно! Не стоит и слов терять с подобными людьми! – закричал в ответ странный человечек, нахлобучивая шляпу и выбегая за дверь. – Понятия ни о чем не имеете!

– Это кто, доктор? И практикует он? – с любопытством спросил фермер.

– Собственно, он вовсе не врач, – отвечал адвокат. – Но все зовут его доктором потому, что у него страсть говорить о ранах, трупах, хирургических операциях. Обращаются же к нему, как к врачу, изредка разве только эмигранты, да и то по ошибке. Он живо отправляет их на тот свет и сохраняет трупы в спирту или иным способом, составляя, таким образом, то, что он называет своим музеем. Он даже ворует с кладбищ головы покойников с этой целью.

– Можно ли поверить, что человек находит удовольствие в подобном занятии! – воскликнул фермер.

– Это у него своего рода мания, – продолжал Робиас. – Живет он одиноко в лесу, неподалеку от города. Навещают его там разве только волки и коршуны.

– Скажите, кстати, правда ли все, что рассказывают о линчевателях? – спросил фермер недоверчиво. – В газетах было описание их расправы с методистским проповедником, которого они будто бы сожгли заживо. Не верится что-то. Неужели законные власти оставили безнаказанным этот варварский акт?

– О! – воскликнул человек в блузе. – Что ваши суды против людей, которые берут на себя исполнение правосудия? Законы хороши для старух и детей, которые верят канцелярским писакам, а остальным надо уметь самим постоять за себя в такой стране, где суд плохая защита! Суд Линча – действенный суд!

– Нет, я другого мнения, – возразил фермер. – Наше законодательство возвело Соединенные Штаты на ту высоту, которую они занимают, и долг каждого гражданина уважать однажды признанную власть. Я не спорю, что совершается много преступлений, избегающих законного возмездия, но, тем не менее, всякий американец должен свято чтить законы, потому что они обеспечивают нашу свободу. Однако становится поздно, мне надо торопиться, чтобы поспеть до ночи в Кильон.

Он простился со своими собеседниками, сел на лошадь, привязал к седлу два мешка с деньгами и поехал рысью из города, направляясь к лесу, расстилавшемуся к северу от Хелены.

Глава IV

Вечер у Дейтона

Веселое общество сидело за чайным столом в гостиной прелестного коттеджа. Дейтону пришлось позвонить два раза, потому что громкий говор, смех и мелодичные звуки вальса заглушили первый звонок хозяина дома.

– Наконец-то! – воскликнула молодая девушка, вскакивая из-за рояля и бросаясь навстречу Дейтону. – Самый строгий и точный из судей заставил сегодня ждать себя самым непростительным образом!

– Неужели шалунья Адель ожидала меня? Неужели она заметила хоть раз мое отсутствие?

– Заметила, как и всегда замечаю, но сегодня была особенная причина для этого. Мистер Лейвли ждет вас уже целый час, господин доктор, и намерен сообщить вам что-то очень важное и ужасное, судя по тому, что он не произнес еще ни одного слова с тех пор, как прибыл сюда. Миссис Бредфорд тоже здесь.

– Позвольте вставить слово, моя милая! – перебила девушку названная ею гостья. – Я знаю, что я не молчалива, и сознаю эту слабость, а как говорит достопочтенный мистер Лоторг, «сознающий свой грех уже на пути к совершенству». Мой дорогой покойник – ангел кротости и терпения! – не хотел признавать этого. Поверите ли, мистер Дейтон, что он все время упрекал меня в том, будто я много говорю? «Друг мой, – говорила я, – сознаю, что я болтлива, но если сознаю, то и исправлюсь!»

– Не хотите ли еще чашку чая, миссис Бредфорд? – предложила миссис Дейтон, в надежде остановить неиссякаемый поток слов, а Адель воспользовалась минутой, чтобы снова заиграть вальс, звуки которого остановили автобиографические излияния гостьи.

– Почту принесли, Адель? – спросил Дейтон у девушки.

– Нет еще, но мистер Лейвли вполне способен ее заменить, – ответила шалунья, поглядывая искоса на молодого человека, которому, очевидно, было не по себе. Он решительно не знал, как себя держать. Сначала закинул правую ногу на левую, потом вытянул обе чуть ли не до середины комнаты. Точно также ему мешали руки, и вообще, он напоминал рыбу, выброшенную на берег. Особенно смущал его насмешливый взгляд Адели. Он уже порывался уйти, но его шляпу далеко запрятали.

Между тем Джеймс Лейвли был вовсе не из робких или простоватых. Он считался очень толковым фермером и смелым охотником, но вырос среди лесов и потому умел проявлять свои таланты только там, а в женском обществе совершенно терялся. В этот вечер его окончательно доконали шуточные выходки Адели.

Желая ободрить молодого гостя, Дейтон стал расспрашивать его о домашних делах, о здоровье родителей, о хозяйстве. Юноша тотчас оживился.

– Благодарю вас, – заговорил он. – У нас все обстоит хорошо, только черная корова вчера захворала, вот почему и здесь. По крайней мере, это одна из причин моего приезда. Но я хотел бы...

Он заикнулся, покраснел до ушей и бросил взгляд на дам, сидевших в стороне.

– Я хотел бы... мне было бы желательно...

– Не стесняйтесь, мистер Лейвли! – вскричала миссис Бредфорд. – Забудьте о нас! И не думайте, что мы, как женщины, не сумеем сохранить вашей тайны. Мы болтаем, но не проболтаемся! Мой покойник говаривал: «Ты даже слишком сдержанна, Луиза! Ты не выдашь, чего не захочешь, хотя бы тебя пытали десять инквизиторов! Ты»...

Новое шумное аллегро Адели прервало и на этот раз словоизлияния миссис Бредфорд, и мистер Дейтон спросил у молодого человека, в чем заключается дело, о котором он хотел ему сообщить.

– Никакого дела нет, сэр... – Произнеся это, мистер Лейвли с каким-то отчаянным порывом сунул обе руки себе в карман и тотчас выдернул их обратно, точно натолкнулся на горячие уголья. – Никакого, сэр... Но матушка полагала... то есть, отец говорил... что если вам будет угодно... то есть, если ваши дамы пожелают... приехать к нам... то есть, если вам это приятно... и погостить... сколько будет угодно, то есть подолее... Матушка надеется...

Приглашение, очевидно, нисколько не касалось миссис Бредфорд, но она сочла необходимым откликнуться на него прежде всех.

– Миссис Лейвли, право, слишком любезна! – воскликнула она. – Правда, вода в Миссисипи прибыла, и вся река запружена судами, но все же перебраться можно, и хотя теперь самый разгар торговли, всегда есть возможность найти недельку-другую, чтобы погостить у добрых соседей. Мой покойник неустанно твердил: «Луиза, ты не знаешь, что значит доброе соседство!» Поблагодарите вашу матушку, мистер Лейвли... На будущей неделе непременно приеду.

Сказав это, она принялась пить чай, а Джеймс окаменел от ужаса. Мысли его так спутались, что он задал себе вопрос, не пригласил ли он и в самом деле эту ужасную болтунью, которую не терпели в его семье? И только ласковый тон миссис Дейтон привел его в чувство.

– Мы будем у вас непременно, – проговорила она. – Но садитесь ко мне поближе, расскажите о себе... Поправился ли ваш отец?

– Ему гораздо лучше, миссис Дейтон, недавно мы с ним охотились на медведя, уже по этому вы можете судить о состоянии его здоровья.

– И он по-прежнему ходит босиком? – спросила Адель.

– Это у него дурная привычка, – заметил Дейтон. – В ней причина его лихорадок. Скажите вашей матери, что она напрасно не настаивает на том, чтобы он носил обувь.

– Да что может сделать матушка? – возразил молодой человек. – Разве он послушается? Вы не знаете, до чего он упрям.

– Точно, как и мой покойник... – начала миссис Бредфорд, но речь ее была прервана таким громким звоном дверного колокольчика, что все вздрогнули. Один Дейтон остался спокойным.

– Пришел Смарт, – сказал он. – Я пригласил его на сегодня.

Ионафан Смарт вошел в комнату в шляпе, но снял ее тотчас и дружески пожал руки всем, за исключением миссис Бредфорд, которую удостоил кивком головы.

– Вижу и очень рад, что вы все в добром здравии, – сказал он, садясь. – Это мне чай, мисс Адель? Благодарю вас. Сливков не надо... а вот капельку рома, если позволите... Но я, кажется, прервал разговор? Извините, я знаю, что немного опоздал, но...

– О, вы всегда кстати, почтеннейший мистер Смарт! – воскликнула миссис Бредфорд. – Я рассказывала... Позвольте, о чем это я рассказывала? Ох и память у меня!... Да, именно...

– Но доктор просил меня непременно прийти, во всяком случае, – продолжал свою речь мистер Смарт, как бы вовсе не замечая слов этой дамы. – И я не мог отказаться, особенно после того, что произошло...

– Что произошло? Мы ничего не знаем, – спросила Адель.

– Доктор ничего не рассказывал вам? – спросил Смарт.

– Решительно ничего! – воскликнули разом все женщины.

– Он оказал мне неоценимую услугу...

– Дорогой мой Смарт, я только выполнил свой долг как должностное лицо города, – возразил Дейтон.

– Он спас мне жизнь, рискуя своей собственной.

– Никакого риска не было, вы напрасно восхваляете меня, Смарт. Эти негодяи не посмели бы...

– Как бы не так! Они способны на все. Но вы удержали их и не дали убить меня и сжечь дом.

И Смарт рассказал в подробностях о происшествии.

– Вы упустили один эпизод, Смарт, – сказал доктор, – и именно то, что вы спасли ирландца, действительно рискуя жизнью. Один из этих мерзавцев уже прицелился в вас.

– Что за ужасы происходят в Хелене, однако! – заметила с тревогой хозяйка дома.

– То же, что и прежде не раз случалось, – возразил Смарт, пожимая плечами. – Но, правду сказать, городок наш славится происшествиями!

– Вот именно, как говорил мой покойник, – подхватила миссис Бредфорд. – Он не переставал меня убеждать: «Когда я умру, не оставайся в Хелене, Луиза! Ты женщина робкая. Куда тебе!» И я утешала его: «Будь спокоен, уеду, лишь только ты глаза закроешь». Но как мне сдержать слово? Я одинока, в чужой стороне мне будет еще более жутко, чем здесь.

– У вас остался кто-нибудь в доме, сударыня, я надеюсь? – неожиданно перебил ее Смарт.

– Как? Что? Почему вы об этом спрашиваете? – вскрикнула она, быстро поднимаясь с места. – Никого у меня в доме нет. Я прогнала сегодня немца, которого наняла для поденной работы. Он так грубил! Но что с вами, мистер Смарт? У вас такое лицо...

– Не тревожьтесь, – спокойно ответил трактирщик, – может быть, то, что я видел, не имеет никакого значения.

– Что вы видели? Говорите!

– Ничего особенного, правду сказать... Какая-то женщина стучала в ставень окна вашей кухни.

– Женщина... в ставень...

– Да. Так как ей не отворяли, то она обошла кругом, постучала и, разумеется, напрасно. Тогда она вынула связку и стала подбирать ключ.

– Подбирать ключи к замку! И вы ее не остановили? Не велели арестовать? – в бешенстве, завопила миссис Бредфорд, надевая наскоро шляпу и накидывая на плечи мантилью. – И она вошла в дом? Говорите же! О, мистер Смарт!

– Я не могу ответить с точностью на ваш последний вопрос, миссис Бредфорд, потому что я посмотрел на часы, увидел, что и без того запоздал, и поспешил сюда.

– Оставив ее там! Это неслыханно!

– Что вы ищете, миссис Бредфорд? – спросила Адель.

– Шляпу, мою шляпу!

– Она у вас на голове, – вежливо произнес Смарт.

– Прощайте, миссис Дейтон... Адель... мистер Лейвли. Доктор, не пойдете ли вы со мной?

Дейтон поднялся с места, но Смарт незаметно ему подмигнул. Доктор по выражению лица трактирщика понял, в чем дело, и сказал миссис Бредфорд:

– Я охотно пошел бы с вами, дорогая моя соседка, но мне необходимо закончить кое-какие расчеты с мистером Лейвли. Мой слуга вас проводит и пригласит констебля, если вы сочтете нужным, а потом вы можете прислать за мной.

– Мистер Смарт, – сказала миссис Дейтон с некоторой тревогой, когда испуганная гостья удалилась, – в самом деле, почему вы не задержали эту женщину?

Смарт весело расхохотался.

– Никакой женщины не было, дорогая миссис Дейтон! Дайте-ка мне еще чашечку чая. Просто, я сказал первое, что взбрело в голову, чтобы спровадить эту особу. Иначе она занимала бы нас весь вечер воспоминаниями о своем «дорогом покойнике».

Если бы миссис Бредфорд могла услышать единодушный взрыв смеха, который последовал за признанием Смарта, она не на шутку обиделась бы, но почтенная дама была уже далеко. Между тем весь этот эпизод так оживил общество, что даже бедный Лейвли сделался немного раскованнее и признался, что намерения этой дамы испугали его до крайности.

– Занудливая особа, – сказала миссис Дейтон, – и я не знаю, как от нее отделаться. Я ее не приглашаю, а она всегда приходит.

– Она вообще пользуется здесь незавидной славой, – заметил Смарт.

– Я не люблю ее, но думаю, что слухи все же преувеличены, – возразил Дейтон. – Ее обвиняют в тайном сбыте водки неграм, и я установил за ней надзор, но пока ничего еще не выяснил. Разумеется, если она окажется виновной, я, в качестве судьи, не пощажу ее, несмотря на близкое знакомство, но отказывать ей от дома так, без видимой причины, не могу. Вы знаете здешнее общественное мнение: все стали бы тотчас кричать, что я-де зазнался, возгордился. Поэтому лучше уж терпеть ее несносную болтовню, нежели навлечь на себя общее нерасположение.

– Письмо мистеру Дейтону, – сказала служанка, отворяя дверь и держа в руках поднос с запечатанным конвертом.

– Кто подал, Нэнси?

– Почтарь, который разъезжает с мальпостом⁴. И он уверял, что спешное.

– Милая моя, – обратился Дейтон к жене, прочитав письмо, – меня спешно вызывают к опасно больному.

– Здесь, в городе? – спросила она с беспокойством.

– Нет, к сожалению, это в десяти милях отсюда, так что я вернусь только завтра утром. Нэнси, велите седлать лошадь.

– Джордж, – сказала миссис Дейтон со вздохом, – мне очень лестно, что здесь так ценят твои знания, но право, я была бы более счастливой, если бы ты оставался дома. Эти постоянные ночные поездки расстроят вконец твоё здоровье.

– Ничего, – ответил Дейтон, надевая толстый плащ с рукавами. – Ты тревожишься совершенно напрасно. Ночная свежесть не повредит мне. Признаюсь, мне самому было бы приятнее скоротать вечер с вами, но что же делать? Могу ли я, ради своего удобства, оставить без помощи страдалцев, надеющихся получить от меня облегчение? И к тому же, когда мне известно, сколько здесь шарлатанов.

– Вы совершенно правы, – сказал Смарт, – но я не желал бы заниматься профессией, которая не дает покоя ни днем ни ночью. Кто тревожит вас на этот раз?

– Недавно прибывший сюда немец, некто Брандер. Заболел, вероятно, перемежающейся лихорадкой. Лошадь уже у крыльца. Прощайте... Вы тоже собираетесь ехать, Лейвли?

– Да, но по дороге ли мне с вами, мистер Дейтон?

– Не думаю, я поеду проселком, на Байлей. Тут короче.

– Без сомнения, но вам придется пересечь болото, – сказал Джеймс, – а это опасно даже днем.

– Дорога мне знакома, как здешняя главная улица! – возразил доктор. – У меня там свои отметины, я срубил несколько сучьев, мешавших проезду. До свидания, мои милые! Надеюсь возвратиться к завтраку.

Лейвли тоже почтительно раскланялся с дамами, не осмеливаясь, однако, взглянуть на Адель, и прошептал только:

– Могу ли я сказать матушке, что вы приедете завтра?

– Можете, – отвечала миссис Дейтон, протягивая ему руку, которую он удержал в своей, размышляя о том, можно ли и должно ли ему сказать что-нибудь и мисс Адель. Добрая хозяйка,

⁴ Ящиком для писем позади почтовой кареты, перевозящей легкую почту.

понимая, что происходит в душе молодого человека, спросила его ласково: – И привезти мне с собой нашу молодую гостью?

Джеймс вздрогнул и так сжал ее пальцы, что они чуть не хрустнули.

– О, – проговорил он, краснея, – мисс Адель найдет, может быть, что у нас очень скучно. – Так не остаться ли мне здесь с миссис Бредфорд? – проговорила девушка.

– О, мисс Адель... вы осчастливите нас.

– Ждите нас, Джеймс, – решительно сказала миссис Дейтон, между тем как ее муж кричал с улицы:

– Что же вы, Лейвли? Выходите вы или нет?

Молодой человек опрометью бросился из комнаты и вскочил в седло. Они выехали из города вместе, но через несколько минут дороги их разошлись.

Смарт тоже простился с дамами и вышел, посвистывая, заложив руки в карманы, но направился не домой, а к реке, у берега которой были причалены плоскодонные барки и другие суденышки столь же примитивной конструкции.

Глава V

Таинственный остров

Вид Миссисипи был великолепен при свете луны, которая то ярко отражалась в серебристых волнах, то проглядывала сквозь облака, гонимые порывистым ветром. На самой реке было тихо, слышался только плеск волн, ударявшихся о бока барок и лодок, да голоса пировавших в прибрежных кабаках матросов.

Смарт медленно шел по берегу, поглядывая на воду. Неожиданно внимание его привлек человек, в котором он узнал спасенного им ирландца.

– Эй, любезный! – крикнул ему Смарт. – Видно, нос у тебя очень чешется или ты любишь холодные ванны. С какой стати ты толчешься по соседству с теми, кто хотел тебя погубить? Мне не удастся спасти тебя во второй раз, может быть!

О'Тул, не узнав сразу трактирщика, схватился было за нож, но сразу успокоился и отвечал шепотом:

– Эти люди еще хуже, нежели вы воображаете, мистер Смарт! Они члены настоящей шайки.

– Я думаю, они просто лентяи и пьяницы, – презрительно возразил Смарт.

– Нет, нет, у них есть особые сигналы. Заметили вы, что этот негодяй, которого я сбил с ног, свистнул как-то особенно, и тогда вся эта ватага кинулась на меня. О, у них свои знаки. Но я за ними слежу.

– А я советую вам, Патрик, держаться от них подальше, не то не миновать вам реки. Ну, прощайте!

Во время этого разговора одна шлюпка отделилась от берега, направляясь к середине реки, и потом повернула по течению. Рулевым на ней был тот самый человек со шрамом, который набросился на Патрика. Из девяти человек, находившихся с ним лодке, четверо гребли, остальные лежали на дне. Все эти люди участвовали в схватке перед трактиром Смарта.

– Не взять ли нам ближе к берегу? – спросил один из гребцов.

– Это зачем? Чтобы сесть на мель или обратить на себя внимание жителей? – возразил рулевой. – И то и другое вовсе нежелательно. Бросьте-ка весла, надо плыть как можно тише, пока не миновем город.

Шлюпка двигалась бесшумно и скоро оставила за собой городские предместья. По знаку рулевого гребцы снова заработали веслами, и легкое суденышко быстро понеслось в такой близости от берега, что они могли различать светляков, копошившихся в кустах и траве.

В одной миле далее лодке пришлось плыть мимо деревни. Чтобы избежать малейшего шума, люди обмотали весла холстом, но одно из них задело за пень, торчавший из воды, и выпало из рук гребца. Рулевой успел его подхватить, но это не могло не вызвать некоторого шума, и две большие собаки выскочили тотчас с лаем из ближайшего домика, а какой-то человек влез на ствол смоковницы, опрокинутой в воду, и стал размахивать платком, чтобы заставить пловцов остановиться.

Спрятаться было нельзя, и рулевой спросил спокойно:

– Что вам угодно, мистер?

Говоря это, он повернул лодку против течения и громко приказал одному из гребцов ухватиться за сучья лежавшего в воде дерева, чтобы удержаться на месте.

– Берегись, Нил! Что ты делаешь? Лезешь волку в пасть! – шепнул один из гребцов с тревогой.

– Молчи! Я знаю, что делаю. Не следует возбуждать подозрений.

– Куда держите путь? – раздался вопрос с берега.

– К мысу Монтгомери.

– Есть у вас место? Можете принять одного пассажира?

– Добыча сама в руки лезет! – шепнул сосед рулевому. – Соглашайся, Нил, у этого малого наверняка есть поклажа, от которой его можно избавиться.

– Нет! – крикнул рулевой, не обращая внимания на советы товарища. – Нас здесь уже вдоволь, и если встретимся с пароходом, то, пожалуй, и подвернемся под него... Отпускай! – приказал он державшемуся за дерево. – Ну, вперед!

– Отчего бы не принять пассажира? – заворчал говоривший. – Ты лишил нас верной добычи по своей прихоти, и атаман не похвалит тебя за это.

– Не болтай о том, чего не понимаешь! – резко возразил Нил. – Забыл, верно, каких хлопот нам стоила недавняя история с дрянным чемоданишком? Не стоит руки марать из-за мелочи. Худо только, что нас видели, Ну, да ничего! Работайте дружно. Атаман ждет нас, он решит в эту же ночь насчет нашего ближайшего дела.

Гребцы налегли на весла, и скоро показался покрытый богатой растительностью островок.

Он состоял из наносной почвы, как и все острова на Миссисипи, и берега его защищались громадными камышовыми порослями, ивняком и исполинскими деревьями. Когда-то, по-видимому, здесь была пристань, но в то время, к которому относится наш рассказ, суда старались обходить этот островок, опасаясь окружавших его подводных камней. Он был известен под номером 61⁵. Избегавшие его судовладельцы не знали, что в чаще, притаившись, следили за ними какие-то люди, говорившие угрюмо:

– Счастье ваше, что вы не пристали сюда!

Остров лежал близ левого берега Миссисипи и имел в длину около трех миль; он расширялся к одной стороне, покрытой густой чащей, между тем как противоположная его сторона заканчивалась мысом, от которого тянулась отмель, позволявшая доходить, при спаде воды, до другого островка, находившегося в полумиле далее. Второй островок считался принадлежащим к номеру 61, потому что вода, покрывавшая временами отмель, была все же недостаточно глубока даже для плоскодонных судов, хотя в июле, когда на Скалистых горах под жгучими лучами солнца таяли снега, сам островок покрывался водой. Справа номер 61 был защищен высокой грядой песчаниковых скал, которая тянулась в двухстах метрах от острова, заканчиваясь узкой полосой земли, покрытой деревьями.

Таким образом, скрывавшиеся на острове были вполне обезопасены от внезапного нападения на них с тех двух сторон, которые представляли собой какой-либо доступ с реки.

Фарватер, которым ходили по Миссисипи суда и пароходы, лежал к западу от номера 61. Ширина реки от вышеупомянутой лесистой косы к берегу штата Арканзас равнялась одной миле, а к берегу штата Миссисипи только полумиле. На обоих берегах, в виду острова номер 61, стояли лишь две полуразрушенные постройки.

Остров казался необитаемым, да и вовсе непригодным для жилья, судя по тому, что изложено выше, и путешественник, все же вздумавший пристать к нему, не скоро отыскал бы тропинку, по которой можно было проникнуть от берега вглубь. Поваленные громадные деревья загораживали всюду проход, и прорубиться сквозь них было не под силу человеку, по крайней мере на первый взгляд. Между тем на этом острове, имелся целый поселок. Он состоял из девяти домиков, большого амбара-склада и пяти конюшен. Все постройки находились в связи между собой и располагались по подобию индейских крепостей, то есть представляли наилучший способ для обороны против превосходящих сил. Склад и один домик помещались в центре общего двора, прочие окружали двор, а конюшни, расположенные полукругом на восточ-

⁵ Если бы все острова, начиная с истока Огайо до Нового Орлеана были поименованы, это сбивало бы с толку речников, поэтому они обозначаются только номерами, всего на Миссисипи 125 островов различных размеров.

ной стороне, обращенной к штату Миссисипи, составляли уже сами по себе отличный блокгауз с бойницами. С западной стороны, наименее уязвимой при нападении, домики связывались между собой крепкими палисадами, а на крыше склада был установлен на турели фальконет⁶, служивший осажденным надежным средством защиты.

Между складом и соседним домиком, занимаемым предводителем шайки, находилась площадка, над которой раскидывался летом полосатый навес. Женатые люди размещались в отдельных домиках, для холостых был построен один, пообширнее, называвшийся «Bachelor's Halle»⁷. Он же служил местом общих собраний.

Таково было убежище «Речных акул», хозяйничавших на широкой Миссисипи. Атаманом их являлся человек, которому они беспрекословно повиновались, а его непререкаемый авторитет основывался на редком уме и беззаветной храбрости. Звался он капитан Келли, и головорезы, бывшие под его командой, страшно его боялись, но и преданы были ему безгранично.

От берега к поселку вели всего две тропинки и обе были искусно замаскированы как бы естественными заграждениями. Человек, незнакомый с ними, неминуемо угодил бы в болото или в непролазную чашу. Лодки пиратов были тоже укрыты от всякого постороннего глаза, но главной защитой злоумышленников была та полная тайна, которой они умели себя окружить. И для соблюдения этой тайны пираты выработали особую систему. Участники шайки связывались кровавыми клятвами, а разветвления ее среди населения штатов были так велики, обороты так обширны и скрытны, что желавший выдать своих, не знал бы кому довериться, потому что адвокат или судья, к которому он вздумал бы обратиться, вполне мог сам оказаться членом шайки и погубить его.

Вследствие всего этого остров номер 61 сделался надежным убежищем для всех, не ладивших с правосудием. Преступник укрывался на острове, а новые товарищи его искусно распускали слух о том, что он бежал в Техас. Атаман определил награду тому, кто предотвратит предательство, заколов вздумавшего изменить. Такая благоразумная мера, сулившая тысячу долларов чистоганом лицу, сохранившему общую безопасность, представляла столько соблазнов, что каждый ревниво следил за другим, равно как и за самим собой, удерживаясь от малейшей неосторожности.

В первую субботу каждого месяца происходило общее собрание членов под председательством Келли.

Пираты грабили чаще штат Миссисипи, нежели Арканзас. Один из них, затаившись на вершине дерева, как вахтенный на мачте, наблюдал за обоими берегами, подавая осторожные сигналы. Для бегства атамана от опасности на юго-западной оконечности острова за песчаной отмелью стояла всегда готовой лодка с притаившимися близ нее четырьмя гребцами. Тропинка, которая вела к ней, была известна лишь посвященным. Эта лодка находилась на виду, но окружавшее ее мелководье не допускало к ней большие суда, и все считали ее просто брошенной.

⁶ Старинная мелкокалиберная чугунная или медная пушка; устанавливалась на мелких судах.

⁷ Зал холостяков (англ.)

Глава VI

Пираты и их атаман

В «Зале холостяков» царило веселье. В большом камине, несмотря на летний день, горел огонь, и двадцать рослых молодцов расположились возле него с трубками в руках.

Одеты, как обыкновенные судовые рабочие, они не носили при себе оружия, но стены зала были увешаны длинными американскими карабинами, французскими охотничьими ружьями, немецкими штуцерами, испанскими стилетами, всяческими ножами, топорами, аншпугами⁸. Одни из присутствующих напевали вполголоса грубые застольные или любовные песни, другие поджаривали на вертелах ломти дичи. Некоторые отбивали ногами такт песенки, которую громадный негр довольно верно наигрывал на плохонькой скрипке.

Вдруг дверь отворилась, и в зал вошел высокий и статный человек в черной суконной шляпе, надвинутой на глаза, широких матросских шароварах и лоцманской куртке.

Это был капитан Ричард Келли, предводитель шайки пиратов.

Несмотря на грубость и дерзость, находившиеся в зале тотчас же поднялись и удовлетворялись легким кивком, которым Келли ответил на их глубокие поклоны. Все молчали и почтительно смотрели на своего босса. Он подошел, так же молча, к камину, а некоторое время глядел на огонь и потом принялся быстро ходить взад и вперед по залу, заложив руки за спину.

– Вернулась лодка из Хелены? – спросил он у человека, появившегося в дверях.

– Нет еще, ваша милость, но, стоя сейчас очередным на вахте, я слышал вдали плеск весел. Прикажете что-нибудь?

– Пусть барка будет наготове, – распорядился Келли, опускаясь на стул, поставленный для него у камина. – Лошади должны прибыть из Арканзаса нынче ночью. Джонс обещал это наверняка, и их нельзя оставить здесь. Трое из вас переправят их в Уиксбург. Дальнейшие мои распоряжения получите там от констебля Брума.

– Замечательно, как нам сочувствуют административные лица! – со смехом воскликнул один из пиратов, по имени Блэкфут. – Вряд ли найдется город, в котором у нас не было бы сообщника между констеблями, сторожами, даже адвокатами, судьями или почтмейстерами! Поэтому, когда сажают в тюрьму кого-нибудь из числа наших в Арканзасе или в Миссисипи, это равносильно его оправданию. Поверите ли, капитан, что граждане Пинквилля выбрали на прошлой неделе в прокуроры нашего Тоби Кривого! Будь я проклят, если не послушаю хотя бы одну из его речей!

Келли усмехнулся, но ничего не ответил и встал, говоря:

– Блэкфут, мне надо сообщить тебе кое-что.

Он вышел, не дожидаясь ответа, и Блэкфут последовал за ним на открытую площадку перед домом, ярко освещенную луной.

– Блэкфут, – сказал Келли своему подручному, – наши дела идут неплохо, но мы не вполне обеспечиваем свою безопасность. Наша тайна известна слишком многим, и если измена грозит смертью всякому, кто решился бы на нее, все же нельзя исключить невозможность предательства.

– Так что же? Допустим, что наше убежище будет открыто, какое свиное рыло возьмет нас здесь живьем?

– Но нам могут грозить опасности, которые трудно предвидеть. И если мы будем вынуждены бежать отсюда, где мы найдем другое, подобное этому, безопасное убежище?

⁸ Деревянными или металлическими рычагами с заостренным концом, употребляемыми обычно для подъема и кантовки тяжестей на судах и другим боевым снаряжением.

– А маленький островок, заливаемый водой? А хижинки среди болот? Мало ли у нас нор!

– Да, но всего этого далеко недостаточно, – проговорил Келли, снимая шляпу и встряхивая волосами, мокрыми от росы.

Он был очень красив собой. Лоб его окружали волнистые пряди волос, в темных глазах читалась молодецкая удаль, рот оживлялся самонадеянной улыбкой. Глядя на него, Блэкфут спросил с недоумением:

– Чего же вы опасаетесь, капитан? Подозреваете кого-нибудь из наших? Назовите имя подлеца, и мы...

– Нет, – сказал Келли. – Была подобная опасность, но миновала. Тебе известно, что наш Роусон, будучи пойман, едва не выдал нас, стараясь спасти свою жизнь. Бели он не успел этого сделать, то лишь потому, что регуляторы сами оплошали и дали возможность индейцу Ассо-вуму спалить его заживо. Но подобный случай может повториться, наш остров могут превратить в груды развалин, мы останемся без приюта, и потому нам надо заблаговременно принять меры против подобной беды.

– Но что же мы можем сделать?

– Очень многое, и все это в наших силах. Начиная с завтрашнего дня, всю добычу из Нового Орлеана мы станем отправлять уже не сюда, потому что было бы глупостью копить здесь богатства на пользу тех, кто рано или поздно разорит наше гнездо. У нас есть немало сообщников в Техасе, и мы начнем переправлять все к ним. Не посчастливится нам здесь, – что же! Там будут у нас капиталы, с которыми мы сможем начать новые операции. Сверх того, несмотря на всю надежность нашей позиции здесь, на все предусмотренные нами меры по общей эвакуации, нас все же могут захватить превосходящие силы.

– Совершенно верно, но что же мы можем поделать, спрошу я опять? И потом, рассудите сами, мы держимся здесь уже три года, и ни в штате Миссисипи, ни в Арканзасе, никто не подозревает о существовании нашего убежища!

– Именно эта трехлетняя безопасность обязывает нас не пренебрегать предосторожностями. Подумай, в течение последних десяти месяце сообщество наше так увеличилось, что сохранение тайны становится почти невозможной. Нас могут выдать, это почти неизбежно, и потому нам следует думать только о надежных средствах к обеспечению отступления отсюда в случае нужды.

– Какие еще средства? – спросил Блэкфут с недоумением.

– Нам необходимо завести свой собственный пароход.

– Пароход! Свой собственный! Великолепная идея! Мы можем отправиться на нем прямо в Техас. Но как вы рассчитываете добыть пароход? Купить или иным способом? А потом, и это главное, где мы его будем держать, так, чтобы он был всегда под руками? И выходит, что мысль прекрасная, но не неосуществимая.

– Вполне осуществимая, Блэкфут. И именно ты станешь капитаном парохода, развозящего грузы между Мемфисом и Напомоном. Это даст нам возможность связываться с сообщниками, и пароход будет всегда под рукой. Он может даже стоять здесь подолгу на якоре. Проезжающие суда будут думать, что он принадлежит лицам, которые захотели пробраться восточным рукавом реки, чтобы объехать номер 61 вокруг.

– Но покупка обойдется нам недешево.

– О, за деньгами дело не станет. Сэвидж Билл извещает меня, что ведет сюда с берегов Уабаша барку с богатым грузом и что у владельца ее мы найдем порядочную сумму наличными. Пишут мне также из Питсбурга, Цинциннати, Луисвилла и других мест, что к нам в руки направляется немало роскошной добычи. Удвой сторожевые посты, чтобы не пропустить ни одного груза. Ночи теперь коротки, и надо успеть убрать захваченное до рассвета, иначе всякий проезжий судовщик выдаст нас.

– Кому вы поручите покупку парохода?

– Я отправился бы сам для этого в северные штаты, но у меня сейчас есть дела здесь. Что пишет оттуда Симпсон?

– От него никаких известий, и это очень даже странно. Он все еще в Джорджии, и последние донесения о нем говорят в его пользу.

– Мне кажется, что он действует слишком самостоятельно и намеревается пользоваться нашей поддержкой только покада это приносит ему личную выгоду. Но его нетрудно осадить. Мы напустим на него нашего адвоката Брума.

– Но Брум уже выехал оттуда, он здесь.

– Что ж, отправим его обратно. Он может взять одну из тех лошадей, которых сюда привезут, и продаст ее там. Приготовили настилку, чтобы перевести их с парома?

– Все готово, капитан. Но позвольте мне спросить: как прошла эта продажа с аукциона в Хелене? Наш самозванный наследник не попался? Признали его права?

– Как же! – ответил Келли, смеясь. – Штука отличная, ее можно и повторить при случае. Сумма выручки получилась порядочная.

– И неужели никаких подозрений? Эти простаки поверили тому, что Голькс со всем экипажем погиб в Миссисипи? И смерть его приписали гибели лодки у наших подводных камней? Забавно! Любопытно мне также знать, как были проданы три последние наши барки в Новом Орлеане. Их перекрасили?

– Нет, но в будущем придется это делать обязательно. Я распорядился привезти краску, и первое же захваченное судно мы сначала перекрасим и уже в таком виде отправим в Новый Орлеан, – разумеется, если груз будет того стоить. Мне сообщили адрес негоцианта, который будет забирать от нас весь товар. Да, вот еще что, Блэкфут: вчера прибыл в Хелену один человек, который едет в Литл-Рок для покупки там земель, соседних с нашими в Арканзасе. Выедет из Хелены он завтра рано утром на серой лошади.

– Один?

– Нет, его провожают почтарь, который состоит при мальпосте и знает в чем дело. Он подготовит все: они прибудут вместе к почтовой конторе в поселке Стронг, но приезжий не желает ночевать там, опасаясь, что с него возьму чересчур дорого, а остановится в доме, удаленном на три мили от Стронга. Дом на правой стороне дороги, на окне будет стоять зажженная свеча. Понимаешь?

– Как не понять! И эта экспедиция не потребует большого труда, разумеется. Но что прикажете делать с девушкой, которую привели сюда вчера наши люди? Мне кажется, она помешанная.

– Как же ты допустил ее сюда на остров? – крикнул Келли, топнув ногой. Я же приказал кентуккийцу покончить с ней, но он так упрям.

– Я не очень доверяю этому человеку, ваша милость. Боливар открыл мне на многое глаза.

– Этот негр – хитрая голова, поручи ему следить за кентуккийцем. Затопили обе барки, с которых сняли груз?

– Да, ваша милость, в двух милях отсюда, подальше от острова.

– Прекрасно. Не худо бы тоже бросить одну или две затонувших лодки на берегу, чтобы отбить охоту у всех приставать сюда.

– Как же вы решаете насчет парохода?

– Скрывать это от товарищей нельзя, потому что деньги будут взяты из общей кассы, – ответил Келли после некоторого раздумья. – Я поговорю об этом на собрании. Где же сейчас девушка?

– Я запер ее во втором номере, но миссис Келли сжалилась над бедняжкой и взяла ее к себе.

– Вот хорошо! Джорджина прекрасно знает, что такое мне может не понравиться. Надо спровадить эту дурочку, Блэкфут, и как можно скорее. Пошли ко мне Боливару. Здесь и без

того слишком много женщин, что тоже это заставляет меня опасаться за нашу безопасность. По уставу, нам можно держать здесь лишь двадцать женщин, а Блэкфут уже восемнадцатая!

Говоря это, капитан ходил взад и вперед в большом волнении, но внимание его было отвлечено прибытием людей из Хелены. Они шли гуськом по узкой тропинке и раскланивались с атаманом. Тот даже не ответил на их приветствие и сухо спросил:

– Письма где?

– Одно только, ваша милость, – сказал человек со шрамом на лице, – и почтмейстер передал мне его за несколько минут до нашего отъезда.

Келли поспешно взял письмо и направился к дому, но остановился у входа и сказал Блэкфуту:

– Пошли же ко мне негра, и если лошади придут ночью, дай им отдохнуть несколько часов, но на рассвете выкупайте их и отправьте тотчас же в глубь страны. Сандерс вернулся?

В ответ на это, вперед выдвинулся молодой человек, который мог бы назваться красавцем, благодаря своему стройному стану, голубым глазам и длинным белокурым волосам, но он был так пьян, что вся его привлекательность исчезала. Он сделал несколько шагов, пошатываясь и бормоча:

– Капитан Келли... имею честь.

– Довольно Сандерс, проспите! Я потребую вас к себе завтра утром. Идите к себе.

Сказав это, Келли вошел в свой домик и запер дверь на замок. Сандерс поплелся назад, продолжая бормотать:

– Скажите, как бесцеремонно! Потребую вас утром к себе. Спрашивается, зачем? Чтобы свернуть голову еще какой-нибудь несчастной девчонке? Разбить ей сердце? Ну, пусть он меня представит... пусть его... Товарищи мои! Порою мне так...

– Ну, ну, полно! – перебил его Блэкфут, хватая под руку. – Мы устали, спать хотим. И тебе тоже надо выспаться, а то глаза будут красные, перестанешь нравиться женщинам.

– Правда твоя... Правда, Блэкфут! Идем спать! Мы что, ворует сердца! Слава купидону и всем смазливим рожицам! Ты не сердись на меня, Блэкфут? Не сердись. Но хотя бы мне миллионы давали, не променяю я своей наружности... на твою... или на такую, как у того... Со шрамом.

– Ладно, ладно! Где уж нам равняться с тобой! – отвечал Блэкфут со смехом. – А все же ложись. Завтра у нас много работы.

Он уложил его и не уходил, пока тот окончательно не заснул, иначе Сандерс мог подняться снова и напиться уже так, что никуда не годился бы на другой день.

Глава VII

Красавица Джорджина

Маленькая комнатка среднего домика, убранная с баснословной роскошью, была до того переполнена вещами, – десятой доли которых вполне хватило бы для ее украшения, – что походила более на магазин, нежели на будуар.

Три стены этого покоя были затянуты драгоценнейшими шелковыми материями, заткан-ными серебром, но и эта чудная обивка почти полностью закрывалась зеркалами, картинами, статуэтками из бронзы, слоновой кости, великолепными канделябрами и роскошным оружием. Четвертая стена была тоже разукрашена всевозможными дорогими вещами, но сама она представляла собой подобие стенки в корабельной каюте. Такое сходство придавали ей крошечные оконца со ставнями из деревянных пластинок. Простенки между оконцами были полузакрыты тропическими растениями, вползавшими до потолка, одеждами из индийских тканей и оружием тоже индийского производства.

Все это убранство производило впечатление излишества, неумеренного, не смягченного вкусом великолепия, и скорее неприятно поражало взор, нежели очаровывало его.

Посередине роскошного будуара стоял диван, на котором лежала молодая женщина в белом платье, опираясь на мягкие подушки.

Рядом с ней, на низеньком табурете, сидела другая женщина, закрывавшая лицо руками и, казалось, впавшая в глубокое отчаяние.

– Он не умер, дитя мое! – говорила женщина в белом, ласково поглаживая ей волосы. – Верьте мне, он жив и уже ищет вас, может быть. Но как ему узнать, где вы находитесь?

– Нет, – отвечала та, поворачивая к ней мокрое от слез лицо, – он не вернется никогда, он на дне реки. Разве я не видела, как его поразила пуля, как он упал? Я услышала плеск воды при падении тела и после этого лишилась чувств.

– Слушайте, Мария, я все же не знаю ничего до конца. Если вы рассчитываете на мою помощь, то должны рассказать мне все подробно.

– Вы хотите, чтобы я еще более растравила свои раны? Но не сердитесь, слушайте. Шесть месяцев назад, тот, кого я позже полюбила, появился у нас в доме в первый раз. Он был так добр, благороден, благочестив. Родители мои не отвергли его любовь ко мне и благословили наш союз. Я стала женой моего Эдуарда, но он все время восхищался югом, на котором бывал прежде, и уговорил моего отца переселиться из Арканзаса туда. Отец продал свое поместье, получил за него хорошие деньги, и мы отправились в Луизиану, погрузив все наше имущество на плоскодонную барку. Эдуард взялся править сам, без помощи лоцмана, потому что отлично знал наши реки. Действительно, мы благополучно прошли Уабаш, Огайо и вышли в Миссисипи. Но третьего дня, по ошибке Эдуарда, быть может, мы наткнулись на островок... О, я не могу больше, я схожу с ума!

– Что случилось с Эдуардом? С вашим отцом, матерью?

– Они все погибли.

– А вы?

– О, пожалейте меня! Не спрашивайте более. О, Боже! Эдуард, мой Эдуард не смог даже защитить свою жену, не мог избавить ее от этих отвратительных воспоминаний.

Она замолчала, беспомощно опустив голову на грудь.

– Вы останетесь со мной, Мария, – произнесла слушавшая ее женщина. – Вас не заберут от меня. Он не посмеет! – прибавила она, как бы говоря с собою. – Я приложу все усилия. А сейчас отдохните.

Она встала и отвела несчастную в небольшую комнатку, примыкавшую к будуару. Едва успела она затворить дверь, как послышались шаги, вошел Келли и спросил с заметным раздражением:

– Где женщина?

– Так-то здороваются теперь Ричард со своей Джорджиной? – проговорила красавица шутливо. – Ему нужно видеть чужую женщину, а не меня!

– Нет, Джорджина, – сказал он ласковее. – Ты знаешь, что я вижу только тебя среди всех.

Он нежно обнял ее, но продолжал:

– Мне все же нужно знать, где она. Ты поступила нехорошо, взяв ее сюда.

– Слушай, Ричард. – сказала Джорджина, обвивая своими прелестными руками его шею, – я попрошу тебя оставить ее при мне. Ты сам знаешь, до чего грубы, невоспитанны здешние женщины, и они ненавидят меня, за то, что я не разделяю их циничных удовольствий. Мария дочь простого фермера, но такая милая, и, видимо, образованная. Она станет моей подругой, и это утешит ее в собственном горе.

– Дорогая моя, ты знаешь наш устав, – возразил Келли, усаживаясь на оттоманку. – Женщины не должны вмешиваться в распоряжения, касающиеся общей безопасности.

– Я замечу тебе, Ричард, что ты никогда не делаешь ничего для меня. Что бы я не попросила, у тебя всегда найдется причина мне отказать. Вот, к примеру, ты ни разу не брал меня с собой в Хелену.

– Я уже говорил тебе, что и сам не смею туда показываться.

– Так оставь мне хотя бы Марию, единственную, на которую я могу здесь смотреть без отвращения.

– Это очень лестно для меня.

– Ты несносен сегодня, Ричард!

– Будь благоразумна. Оставаясь здесь, эта женщина неизбежно увидит Сандерса.

– Так это он, негодяй!?

– Не осуждай его, он нам очень полезен. Но мне надо поговорить с тобой о деле. Наше положение здесь становится слишком опасным, нам необходимо скрыться отсюда вглубь Техаса. Будь готова на всякий случай.

– А твои товарищи?

– Они выберут себе нового атамана.

– А если они не захотят тебя отпустить?

– В таком случае, они последуют за мной, – ответил Келли с видимым смущением. – Но, как бы то ни было, Марию нельзя здесь оставлять. Надо опасаться всего, что может выдать наши намерения.

– Но что станет с ней, если я соглашусь с твоим требованием? – с тревогой спросила Джорджина.

– Боливар отвезет ее в Натшец. Ты довольна?

– Мне приходится всегда только повиноваться тебе, – проговорила она, хмуря брови. – О, прошло то время, когда мое желание было законом для тебя!

– Но рассуди же, пойми, что мы не можем жертвовать нашей безопасностью, нашей жизнью, ради какой-то полупомешанной! – сказал Келли, обнимая жену. – Если бы я оставался постоянно здесь, мне было бы легче исполнять твои прихоти. Я сам охранял бы тебя.

– Ты опять уезжаешь?

– Необходимо, друг мой.

– Слушай, Ричард, – начала она, глядя пристально ему в глаза, – если я только узнаю, что ты мне не верен... что ты обманываешь меня... тогда как я пожертвовала ради тебя не только своей жизнью, но и жизнью родителей моих... если бы я уверилась в твоей измене... о клянусь тебе духом тьмы, я отомстила бы тебе так, как не мстила еще никому ни одна женщина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.